

9 января 1943 г. внезапно умер, по существу от голода, первый заведующий кафедрой А. Н. Сперанский, так много сделавший для ее организации, привлечения квалифицированных преподавателей, обеспечения программами и пособиями учебного процесса. Полгода обязанности заведующего кафедрой исполнял крупный историк Павел Петрович Смирнов, бывший директором института в первые месяцы войны¹.

А. И. Андреев и развитие кафедры в 1940-х гг.

В июне 1943 г. заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин назначается известный ленинградский историк Александр Игнатьевич Андреев². А. И. Андреев — сын сторожа и прачки, окончил на средства Купеческой управы историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился у А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова. Особенно сильное влияние на него оказал семинарий А. С. Лаппо-Данилевского. По словам Н. В. Устюгова, откликнувшегося письмом с фронта на назначение А. И. Андреева, он — «один из лучших учеников, если не самый лучший, А. С. Лаппо-Данилевского. Он прошел строгую школу своего учителя»³.

К 1943 г., к моменту прихода в Историко-архивный институт, А. И. Андреев был автором многочисленных работ по источниковедению, дипломатике, археографии, истории СССР⁴. В 1929 г. его арестовали и судили по «делу Платонова». Занимая пост ученого секретаря Археографической комиссии АН СССР (ее председателем был С. Ф. Платонов), он оказался одним из «главных преступников». В своей автобиографии ученый описал обстоятельства ареста и заключения с октября 1929 по август 1931 г. и енисейскую ссылку — работу в сплавной конторе Комсевморпути, в Управлении по постройке Северо-Нифатьевской дороги, в енисейском музее и в технической библиотеке лесного треста Севполярлес — до декабря 1934 г.: до конца ссылки и фактического освобождения в апреле 1935 г. он вел в музее и библиотеке научную работу по географии, этнографии и

¹ См. о нем: «Из воспоминаний профессора П. П. Смирнова//Московский ордена «Знак Почета» ... С. 106—109; Козлов В. Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова//Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 243—247; Дубровский А. М. П. П. Смирнов — историк городов феодальной России//Русский город. М., 1983. Вып. 6 и др.

² См. о нем: Яцунский В. К. Александр Игнатьевич Андреев: Краткий очерк жизни и научной деятельности//Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII в. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960; Преображенский А. А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева//Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979 и др.

³ Каменцева Е. И. Письма историка с фронта. С. 96.

⁴ Список трудов А. И. Андреева см.: Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 496а—501 (около 160 записей).

истории Сибири, которую продолжил и по возвращении в Ленинград в Институте народов Севера¹.

13 сентября 1940 г., меньше чем за месяц до защиты докторской диссертации, А. И. Андрееву было предложено оставить Ленинград «как судившемуся по статье 58 у [головного] к [одекса]». Но он оставался в Ленинграде до июля 1942 г., от высылки спасло, по-видимому, вмешательство президента АН СССР В. Л. Комарова. Реабилитирован А. И. Андреев был посмертно 8 августа 1960 г.²

После приезда в Москву из эвакуации (его ленинградская квартира была разрушена) А. И. Андреев некоторое время жил у А. Н. Сперанского и П. П. Смирнова, а с конца февраля 1943 г. в помещении института (там, где в настоящее время находится деканат факультета архивного дела).

Еще до Историко-архивного института А. И. Андреев имел опыт как архивной, так и педагогической работы. В двадцатые годы он заведывал архивом бывшего Министерства путей сообщения и бывшего Главного управления почт и телеграфов, принимал участие в архивных съездах и конференциях, разрабатывал проект архивной терминологии. С 1919 по 1927 г. преподавал дипломатику и археографию сначала в Петербургском археологическом институте, а затем в Ленинградском университете. О своей педагогической деятельности он вспоминал в письме к А. Н. Сперанскому от 25 апреля 1929 г.: «Когда преподавал в университете ... клал в основу своих бесед с ними тот план, который имел в виду А. С. Лаппо-Данилевский в своем «Очерке русской дипломатики», но привлекал к делу не только газетные, но главн[ым] образом публичные акты. Думаю, что мне все же удавалось разъяснить сущность работы над любым письменным источником (интерпретация и критика) и те специальные приемы, которые применимы к изучению документов (главн[ым] образ[ом] дипломатический анализ). С тем, чтобы не пугать древностью, я брал примеры из новейшей истории XVIII—XIX вв.; один раз даже разобрал «письмо Зиновьева»³. И в Историко-архивном институте А. И. Андреев также иллюстрировал источниковедческую методику Лаппо-Данилевского анализом самых разных, в том числе и современных, документов.

С именем А. И. Андреева связаны, вероятно, наиболее трудные, но достойные страницы в истории кафедры, ее дальнейший рост, борьба за свободу научной мысли со сталинским идеологическим аппаратом, составление широко известных учебных пособий.

¹ Полный текст автобиографии А. И. Андреева от 25 февраля 1945 г. (Архив МГИАИ. Личный состав. Д. 13) см. настоящее изд., с. 54—64.

² ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 2. Д. 23. Л. 38.

³ Архив АН СССР. Ф. А. Н. Сперанского. Д. 24.

В первой половине 1940-х гг. на кафедру помимо Андреева приходят еще несколько выдающихся ученых: крупнейший знаток русской истории Алексей Андреевич Новосельский¹, фактически единственный тогда специалист по геральдике Владислав Крескентьевич Лукомский², Виктор Корнельевич Яцунский, трудам которого мы обязаны пробуждению интереса к исторической географии³.

Как уже отмечалось, в 1942 г. сначала в качестве заведующего кабинетом, а затем преподавателем начал работу на кафедре Лев Владимирович Черепнин — внук известного русского нумизмата, прославившийся вскоре своими трудами по истории и источниковедению истории СССР периода феодализма. В том же году Л. В. Черепнин писал: «Историко-архивный институт сделался за короткий срок для меня родным. Я люблю свою работу в кабинете и вкладываю в нее все, что могу»⁴. Как и Андреев, Черепнин был арестован по «делу Платонова» в 1930 г., будучи помощником заведующего отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вскоре после окончания аспирантуры Института истории РАНИОН. Несколько лет (1931—1933 гг.) он проработал в каменоломнях Холмогорского района Северного края, где овладел новой для себя профессией лесоруба⁵. Л. В. Черепнин был любимцем студентов: почти всегда его лекции, по воспоминаниям С. А. Левиной, заканчивались овацией.

Источниковедение в это время читали Андреев и Черепнин, при этом Черепнин, в соответствии с первоначально разработанной А. Н. Сперанским программой «Применение методов палеографического изучения к документам XIX и XX вв.», поставил новый курс⁶. Палеографию, после ухода на фронт Н. В. Устюгова, читал Л. В. Черепнин, дипломатику — А. И. Андреев, историческую географию —

¹ См. о нем: Памяти А. А. Новосельского // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. С. 236—242; Устюгов Н. В. Творческий путь А. А. Новосельского // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.

² См. о нем: Каменцева Е. И. Научная деятельность В. К. Лукомского и его роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVII; Борисов И. В. Деятельность В. К. Лукомского в Москве (1942—1946 гг.) // Геральдика. Л., 1987 и др.

³ См. о нем: Рыбаков Ю. Я. Вспомогательные исторические дисциплины в работах В. К. Яцунского // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971; Литвак Б. Г. Вклад В. К. Яцунского в источниковедение и археологию // Там же. За 1973 г. М., 1975 и др.

⁴ Архив АН СССР. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 237. Л. 5—5об.

⁵ Архив МГИАИ. Личный состав. Д. 735; Архив АН СССР. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 237.

⁶ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 181; Архив АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 66; РО ГБЛ. Ф. 621. Карт. 19. Д. 26. Л. 9 об.

В. К. Яцунский, спецсеминар по сфрагистике, геральдике, генеалогии вел В. К. Лукомский.

В курсе источниковедения А. И. Андреев стремился отойти от видового обзора источников, уделяя главное внимание методам работы с ними. Позднее он писал в докладной записке: «В практике кафедры ... под «источниковедением» мы понимали прежде всего два раздела его: спецкурс по общим приемам изучения источников XVIII—XX вв. и общий курс — общие приемы истолкования и критики источников, преимущественно русских, независимо от их видов и времени, к которым они относятся; но такое понимание «источниковедения», находящееся в полном соответствии с научным его пониманием у лучших историков-источниковедов, не включало пока источниковедения отдельных групп источников истории СССР (по векам или видам их) — в том плане, как это давали М. Н. Тихомиров и С. А. Никитин в Историко-архивном институте»¹.

Уже 20 августа, выступая на Научном совете в ГАУ НКВД, А. И. Андреев подчеркивал, что подготовка историка-архивиста немислима без вспомогательных исторических дисциплин и считал необходимым «по возможности сконцентрировать в институте все имеющиеся в стране живые силы, интересующиеся теми проблемами, которые касаются основных профилирующих дисциплин»².

С 1945 г. начал преподавать в институте палеограф и архивист Иван Филиппович Колесников³, в 1946 г. — Иван Александрович Голубцов, так много сделавший позднее для издания корпуса древнейших русских актов⁴. А. И. Андреев планировал Голубцову составление хрестоматии по русской дипломатике, однако 20 февраля 1947 г. ГАУ секретно сообщило в институт о невозможности дальнейшего использования Голубцова, и 22 февраля он вынужден был написать заявление об уходе «по собственному желанию» в связи с необходимостью сосредоточить усилия по составлению карт (по картам Голубцова студенты и школьники обучались с конца 1930-х гг.).

В годы войны и первые послевоенные годы на кафедру приходит группа молодых преподавателей Александр Александрович Зимин, Елена Ивановна Каменцева, Ольга Михайловна Медушевская, Александр Цезаревич Мерзон, Ирина Александровна Миронова,

¹ Архив АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 61. Л. 33 об.

² РО ГБЛ. Ф. 621. Карт. 19. Д. 28. Л. 19 об.

³ См. о нем: [Николаева А. Т.]. Памяти Ивана Филипповича Колесникова // Труды МГИАИ. 1954. Т. 7; И. Ф. Колесников // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. С. 145—153 и др.

⁴ См. о нем: И. А. Голубцов — ученый и человек // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. С. 218—226; Люткина Е. Ю. К 100-летию И. А. Голубцова // Археографический ежегодник за 1987 г. М., 1988 и др.

Александра Тимофеевна Николаева, Моисей Наумович Черноморский, Сигурд Оттович Шмидт¹.

Особенно ценил А. И. Андреев дарование Зимина. В характеристике от 20 мая 1947 г. (подобные характеристики составлялись на всех членов кафедры) он писал: «Зимин А. А. ... молодой и живо интересующийся преподаванием педагог, от которого можно ожидать больших результатов и в науке, и в педагогической работе»².

Некоторое представление о практических занятиях по вспомогательным историческим дисциплинам в 1940-х гг. дают воспоминания Л. В. Черепнина о А. А. Новосельском: «Он не просто учил читать скоропись, разбираться в актовых формулярах, датировать тексты и т. д., он всегда стремился показать, что все это дает историку. Он не только старался привить своим ученикам технико-методические навыки, необходимые для работы с источниками, но и показывал, какие исторические выводы можно сделать, пользуясь ими»³. Построение, состав лекционных курсов по вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению, методика проведения практических занятий в МГИАИ были в целом традиционными. В них широко использовались достижения и методики дореволюционных ученых, которые в это время подчас рассматривались как «меньшее зло» по сравнению с работами М. Н. Покровского и представителей его школы. При этом следует иметь в виду, что В. К. Лукомский и И. Ф. Колесников не только окончили Московский и Петербургский археологические институты, но позднее и преподавали в них. В МГИАИ они олицетворяли живую связь с дореволюционной вузовской практикой. Как говорил в 1948 г. Л. В. Черепнин, он сам и другие сотрудники кафедры считали возможным использовать опыт буржуазной науки, поскольку полагали, что «вспомогательные исторические дисциплины — это дело простой техники, техника ... была на высоте в буржуазной историографии». По этой причине они не продумали, «что такое палеография, дипломатика в свете теоретических задач марксизма-ленинизма»⁴. Своей аспирантке Н. Ф. Демидовой А. И. Андреев предложил изучить к экзамену по специальности первый том «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Этот же

¹ См. о них: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 152—157; Кобрин В. Б. А. А. Зимин. Ученый. Человек // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 294—309 и др.; А. Т. Николаева // Советские архивы. 1978. № 3; 1988. № 3; Журавлев С. В. Материалы о преподавании А. Ц. Мерзоном источниковедения отечественной истории в МГИАИ // Археографический ежегодник за 1982 г. М., 1983; Черноморский М. Н. // Вопросы истории. 1980. № 7; Шмидт Сигурд Оттович: Библиогр. указ. / Предисл. акад. Д. С. Лихачева. М., 1987. С. 3—9 и др.

² Архив МГИАИ. Личный состав. Д. 335.

³ Черепнин Л. В. Памяти А. А. Новосельского // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. С. 232.

⁴ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 443. Л. 113—119.

труд широко использовался Андреевым в лекциях по теоретическому источниковедению, которые он читал аспирантам.

Придя на кафедру, А. И. Андреев развернул энергичную работу по организации научных исследований в области вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения и по подготовке новой учебной литературы. Его целью было превращение кафедры в главный центр изучения вспомогательных исторических дисциплин в нашей стране. «Создание «школы» в институте, — считал ученый, — требует сочетания теории с практикой»¹.

Под его руководством была продолжена начатая еще А. Н. Сперанским большая библиографическая работа в области вспомогательных исторических дисциплин, в которых принимали участие также Черепнин и Лукомский. Составленные в 1940-е гг. картотеки используются и сегодня преподавателями и студентами. С 1943 г. на кафедре начата подготовка критико-библиографического обзора трудов по вспомогательным историческим дисциплинам, вышедших за 30 лет после революции². Работа велась над ним до 1947 г., когда на кафедре были сделаны обобщающие доклады. Текст обзора, подготовленный к печати, издать не удалось, в настоящее время рукопись на 113 листах хранится в фонде А. И. Андреева³.

19 ноября 1943 г. на кафедре был утвержден широкий план подготовки учебных пособий по древнерусскому языку, палеографии, хронологии, метрологии, дипломатике, сфрагистике, генеалогии, геральдике, источниковедению, исторической географии. К их составлению предполагалось привлечь Андреева, Черепнина, Лукомского, Новосельского, Голубцова, Яцунского и других. Полностью реализовать этот план не удалось⁴.

Так как Н. В. Устюгов не успел подготовить свой лекционный курс к изданию и дополнить его собранным материалом, А. И. Андреев, предварительно с ним списавшись, поручил работу над учебными пособиями Л. В. Черепнину⁵. В 1943 г. Черепнин дополнил пособия Устюгова по хронологии и метрологии (изданы на стеклографе), а в 1944 г. выпустил новые учебные пособия по тем же дисциплинам, опубликованные типографским способом.

Работа по созданию учебного пособия по палеографии потребовала большего времени. Идея создания учебника «Основы палеографии и дипломатики» принадлежала А. Н. Сперанскому. К этой работе он привлек ленинградского ученого, ученика А. И. Андреева, Н. С. Чаева, который в 1939—1941 гг. пересылал тексты своих глав

¹ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 67. Л. 55.

² ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

³ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 1. Д. 412.

⁴ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 219. Л. 4—5.

⁵ Архив АН СССР. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 30. Л. 1.

в Москву¹. Разделы по дипломатике предполагал писать Сперанский сам, но сделать этого не успел. Чаев же умер в Ленинграде во время блокады. После смерти Сперанского стенографический текст его лекций предполагалось издать в виде учебного пособия. Однако, в конечном счете, было решено действовать иначе. И по заданию Андреева Черепнин стал дополнять материалы, подготовленные Чаевым. Учебное пособие Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина «Русская палеография» было опубликовано уже после войны в 1946 г.

Огромного труда потребовало от кафедры составление хрестоматии по дипломатике. Решение о ее составлении было принято еще в 1942 г.² Работа над хрестоматией, в ней принимали участие Л. В. Черепнин, а позднее А. А. Зимин и другие ученые, продолжалась много лет. В связи с идеологической борьбой, развернувшейся вокруг дипломатики с конца 1940-х гг., рукопись так и не вышла в свет³.

3 декабря 1943 г. кафедра утвердила программы курсов, которые предполагалось читать и разрабатывать в дальнейшем. В их состав входили дипломатика, генеалогия, нумизматика, геральдика, сфрагистика, палеография, хронология, метрология, древнерусский и латинский язык, источниковедение и историческая география⁴.

Большое внимание в 1940-е гг. уделялось аспирантуре. Хотя аспирантов было немного, утвержденная 29 октября 1943 г. и подписанная А. И. Андреевым тематика аспирантских работ свидетельствует о широте мышления и ясном понимании задач в области вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения ведущими преподавателями кафедры. Приводим ее полностью:

1. Евгений Болховитинов — русский бенедиктинец XVIII—XIX вв.

2. Переписка гр[афа] Н. П. Румянцева как источник по истории русского источниковедения первой четверти XIX в.

3. Изучение летописей как исторических источников в XIX в. (от Шлецера до Шахматова).

4. А. А. Шахматов и созданная им школа изучения русских летописей.

5. Летописные своды XVII в. как исторический источник.

6. «Временник» дьяка И. Тимофеева как исторический источник.

7. Новейшие течения в западноевропейской палеографии XIX—XX вв.

8. Классификации публичных и частных актов в русской исторической и историко-юридической литературе XIX—XX вв.

9. Жалованные грамоты XIV—XVI вв. как исторический источник для изучения русского иммунитета.

¹ Рукопись подготовленного Н. С. Чаевым пособия и отзыв А. Н. Сперанского о нем см.: ЛО Архива АН СССР. Ф. 741. Оп. 1. Д. 35.

² ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 154. Л. 4 об.

³ Хранится на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

⁴ РО ГБЛ. Ф. 621.—Карт. 19.—Д. 31.

10. Титулярник 1672 г. как источник русской дипломатики XVII в.
11. Порядные и ссудные записи XVII в. как источник по истории русского крестьянства.
12. Русские формулярики XV—XVII вв.
13. Выработка форм публичных и частных актов в XVIII в.
14. Монастырские вкладные книги XVI в. как исторический источник.
15. Поддельные и подложные источники, относимые к эпохе Петра Великого.
16. Сулакадзев и другие поддельщики исторических источников в XIX в.
17. Литературные подделки и мистификации XIX—XX вв.
18. Методы изучения нелегальной прокламации 60—70 гг. XIX в.
19. Методы изучения социал-демократических прокламаций.
20. Задачи и методы изучения литературных автографов XIX в.
21. Большая государственная печать XVI—XVII вв. и ее история.
22. Городовые печати XVII в.
23. Метрологические данные русских летописных сводов.
24. Метрологические данные актового материала XIII—XVI вв.
25. «Счетная мудрость» как источник по истории русских мер и весов.
26. Комиссия о весах и мерах 1735—1741 гг.
27. Гербы на монументальных памятниках материальной культуры и значение их для истории и топографии города Москвы.
28. Данные эпиграфики и нумизматики как исторический источник для изучения феодальных отношений XIII—XV вв.
29. «Книга Большому Чертежу» и ее источники.
30. Писцовые книги XVI в. как источник по топонимике.
31. Русские историко-географические источники XVIII в.
32. Частные родословцы как исторический источник¹.

Одни из сформулированных в 1943 г. тем были воплощены в диссертациях, монографиях, статьях. Другие еще ждут своих исследователей, не утратив своей актуальности до настоящего времени.

Помимо учебной работы преподаватели кафедры активно занимались научными исследованиями. Именно в это время писали свои докторские диссертации Л. В. Черепнин и А. А. Новосельский, работала над кандидатской диссертацией Е. И. Каменцева. Плодотворно разрабатывал историю русских географических открытий А. И. Андреев. Причем параллельно с работой в Историко-архивном институте он являлся старшим научным сотрудником в Институте истории АН СССР, где руководил группой по изучению эпохи Петра Великого. По его инициативе было возобновлено издание классической серии

¹ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 65. Л. 2—3.

сборников «Письма и бумаги императора Петра Великого», работа над которой началась еще до революции. Ряд томов «Писем и бумаг» вышел под редакцией А. И. Андреева. Активную роль сыграл Андреев и в возобновлении работы Всесоюзного географического общества, ученым секретарем которого он стал. При его участии вновь стали издаваться «Известия» общества.

С научными докладами на кафедре выступали А. И. Андреев, С. Б. Веселовский, В. К. Лукомский, Л. В. Черепнин и другие преподаватели. По инициативе А. И. Андреева в институте состоялись заседания в память выдающихся ученых прошлого: С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. М. Строева и других, среди выступавших с докладами были А. И. Андреев и Л. В. Черепнин.

Предложение А. И. Андреева отметить в 1945 г. 60-летие со дня смерти Н. В. Калачева не нашло поддержки на кафедре архивоведения и реализовано не было¹. Еще одна неудача постигла Андреева в 1946 г., когда он пытался организовать торжественное заседание к 25-летию со дня смерти Лаппо-Данилевского. По воспоминаниям бывшей аспирантки кафедры Н. Ф. Демидовой, она уже вывешивала объявление, когда подошедший к ней Андреев сказал, что заседание не разрешено. Причина запрета становится ясной из документов — И. Л. Маяковский и В. В. Максаков направили жалобу в Главное архивное управление². Известно, что в 1947 г. А. И. Андреев подготовил доклад и к 50-летию со дня смерти К. Н. Бестужева-Рюмина³.

В 1946 г. под редакцией А. И. Андреева вышел второй том «Трудов МГИАИ», в котором принимали участие Черепнин, Лукомский, Смирнов, Новосельский, Андреев и др. В том же году, вскоре после смерти В. К. Лукомского, на кафедре был составлен сборник его трудов (редактор Андреев) с вводными статьями Андреева, Черепнина и Маяковского. В следующем году он был передан для издания в ГАУ МВД СССР. По словам А. И. Андреева, работники научно-издательского отдела ГАУ потребовали «внести в него многочисленные изменения текста, напечатанного покойным автором до 1917 г.»⁴. Сборник так и не вышел в свет.

В 1947 г. к 800-летию Москвы и 30-летию Октябрьской революции кафедра вспомогательных исторических дисциплин организовала выставку книг и документов по истории Московского Печатного двора и Синодальной типографии (в этих зданиях размещается Историко-архивный институт) и выставку литературы по вспомогательным историческим дисциплинам, вышедшей начиная с 1917 г.

А. И. Андреев вникал во все мелочи, вплоть до сметы расходов и рассылки пригласительных билетов⁵. При его участии был составлен план юбилейных мероприятий (подготовки научных докладов,

¹ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 304. Л. 3—3 об.

² ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 456. Л. 62.

³ Там же. Д. 458. Л. 62; ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 1. Д. 317.

⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 67. Л. 47—48.

⁵ Там же. Д. 406.

организации конференции, экскурсий и т. д.). Выставка к 800-летию Москвы (каталог ее экспонатов сохранился) пользовалась особым успехом. Ее посетили около 1000 человек, среди них президент АН СССР С. И. Вавилов, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и др. Экскурсии по выставке проводил, как правило, А. И. Андреев¹. В дальнейшем профессор Андреев предлагал руководству института и Академии наук передать помещение бывшей Правильной палаты Печатного двора XVII в. (так наз. «теремок»), где размещалась выставка, для организации постоянно действующего музея старинной русской книги².

Еще до войны на кафедре функционировал студенческий кружок под руководством Н. В. Устюгова, он прекратил существование с уходом на фронт своего руководителя. В мае 1942 г. на кафедре было заслушано сообщение А. Н. Сперанского о возобновлении работы кружка и утвержден его план: «1. Собрание материалов по Отечественной войне против германского фашизма. 2. Изучение отдельных вопросов в связи с 25-летием СССР. 3. Изучение отдельных вопросов, связанных с научно-учебной работой студентов»³. Кружок начал работу, которая однако снова была прервана, поскольку его руководитель А. Н. Сперанский вскоре умер (9 января 1943 г.). Лишь в 1946 г. он возобновлен как кружок источниковедения истории СССР под руководством А. И. Андреева и Л. В. Черепнина, среди активных его участников — А. А. Преображенский, А. А. Ураносов, В. А. Черных. С весны 1950 г. бессменный руководитель кружка — С. О. Шмидт.

Организация памятных вечеров и выставок и вся деятельность Андреева на кафедре были естественным проявлением его убеждений — стремлением сохранить научную преемственность русской науки как составной части дореволюционной отечественной и мировой. В 1947 г., отвечая на обвинения идеологического характера, он писал: «О моем отношении к старым представителям исторической науки на Западе и у нас эти мои работы говорят определенно: я считаю, что, не освоив большую работу, сделанную ими, двигаться вперед нельзя, что не зная наследия Запада и нашего собственного, не стоит заниматься исторической наукой, которая не имеет грани, определяемой понятиями «Запада», «России» и т. п. Но своего места и роли в этой науке мы до сих пор не знаем»⁴. Вполне понятно, что некоторые преподаватели института, прежде всего В. В. Макасов (острое столкновение с ним Андреева произошло еще в 1929 г.), представители администрации, члены партбюро настороженно отно-

¹ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 418. Л. 5.

² ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 1. Д. 406.

³ Московский ордена «Знак Почета» ... С. 121.

⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24. Л. 14.

сились к Андрееву и его пропаганде достижений буржуазных ученых. В отчете партбюро за 1943—1944 гг. отмечались «факты» неверного понимания исторического материала «с точки зрения марксистско-ленинской методологии» отдельными преподавателями, среди которых называли А. И. Андреева и П. П. Смирнова¹.

В мае 1944 г. к Л. В. Черепнину обратились с просьбой сделать доклад на тему «Диалектический метод в источниковедении» с критикой Лаппо-Данилевского и Андреева. Однако Черепнин от предложения тогда отказался. В июле 1944 г. при обсуждении на бюро районного комитета ВКП(б) работы Историко-архивного института некоторыми выступавшими отмечалось, что отдельные преподаватели (А. И. Андреев, А. И. Гуковский) читают лекции на низком идейно-политическом и методологическом уровне и поэтому требуют замены. Впрочем, соответствующего постановления принято не было². В октябре 1944 г. Е. И. Каменцева писала на фронт Н. В. Устюгову, что из-за использования в лекциях трудов Лаппо-Данилевского А. И. Андреев «мученически терпит всякие неприятности»³.

И все же до поры до времени широкая научная известность Андреева и его деятельность, способствовавшая росту престижа института, давали возможность ему продолжать свою научно-педагогическую работу. Более того, он и позднее открыто пропагандировал свои научные принципы. В этом смысле особенно характерно постановление кафедры от 25 октября 1946 г., ярко отразившее взгляды ее заведующего.

Кафедра в присутствии тт. Андреева, Колесникова, Черепнина, Введенского, Василевской, Даниловой, Каменцевой, Демидовой и Майковой обсуждала постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г., «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г., «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г. и доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Постановили: «1. В целях повышения идейно-политического уровня содержания лекций и семинарских занятий:

а) Включить в план работы кафедры доклады о западноевропейских и американских трудах, представляющих интерес для изучения вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения; наряду с ними ставить на заседаниях доклады о работах советских историков по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, предусмотреть такие доклады о последних работах по истории русского языка.

б) С целью ознакомления с работами по вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению и обмена опытом просить

¹ Архив МК и МГК КПСС. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.—34.

² Там же. Ф. 82. Оп. 17. Д. 15. Л. 48 об.

³ Архив АН СССР. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 110. Л. 117.

дирекцию установить связь с соответствующими западноевропейскими и американскими научными учреждениями»¹.

К марту 1947 г. это решение частично было реализовано: на очередном заседании кафедры А. И. Андреев докладывал о готовящихся им и В. К. Яцунским обзорах новейших западноевропейских и американских трудов по вспомогательным историческим дисциплинам и исторической географии².

Два послевоенных года были временем наибольшего официального признания Александра Игнатьевича. В августе 1945 г. он награжден орденом «Знак Почета», в мае 1946 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», почетными грамотами и др. В 1946 г. А. И. Андреев в очередной раз выдвигается в члены-корреспонденты АН СССР, впервые его выдвигали в Академию в 1929 г. С. Ф. Платонов, Д. М. Петрушевский, М. К. Любавский³. В характеристике, составленной ему в институте, подчеркивались как личные достижения ученого, так и успехи руководимой им кафедры.

В марте 1947 г. отмечалось 60-летие А. И. Андреева. На торжественном совместном заседании Ученых советов Института истории АН СССР и Историко-архивного института с докладами об Андрееве и его научных успехах выступили академик Б. Д. Греков, член-корреспондент С. В. Бахрушин, профессора Л. В. Черепнин, А. А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз, И. Л. Маяковский. В адресе, поднесенном ему Историко-архивным институтом, отмечалось, что «кафедра вспомогательных исторических дисциплин является действительно образцовой». В ответном слове Андреев заметил в частности: «Я очень дорожу... своей педагогической работой и теми отношениями, которые у меня сложились с молодежью»⁴. Достижением кафедры А. И. Андреев считал защиту докторских диссертаций А. А. Новосельским и Л. В. Черепниным. Новосельский вскоре был назначен заведующим кафедрой истории СССР, а Черепнин выдвинулся в число наиболее известных специалистов по истории русского феодализма. По настоянию А. И. Андреева на кафедре были утверждены темы докторских диссертаций, среди которых — «Творческий путь В. О. Ключевского» А. А. Зимина, «Крестьяне южных окраин Московского государства во второй половине XVII в.» А. Т. Николаевой. Специальное заседание кафедры было посвящено также обсуждению плана и структуры этих диссертаций⁵.

¹ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 443. Л. 9—11.

² Там же. Д. 357. Л. 4—9; ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 67. Л. 54.

³ ЛО Архива АН СССР. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 21. Л. 123.

⁴ Архив АН СССР. Ф. 934. Оп. 2. Д. 13. Л. 306.—4.

⁵ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 417.

Однако в том же 1947 г., когда отмечался юбилей Андреева, идеологические нападки на него усилились. Криминальный протокол заседания кафедры 25 октября 1946 г. обнаружила комиссия, проверявшая институт. Андреев вынужден был оправдываться и заверять проверяющих, что он далек от «мысли заимствовать что-либо у Запада».

В начале лета 1947 г. профессор кафедры вспомогательных исторических дисциплин Елизавета Николаевна Данилова направила на профессора Андреева доклад в Свердловский райком партии, приложив к нему студенческий конспект его лекций по источниковедению. На личности автора доклада стоит остановиться подробнее. В 1947 г. ей было 55 лет. Е. Н. Данилова еще до революции получила юридическое и экономическое образование, окончив сначала частные юридические курсы, затем юридический факультет Московского университета (экстерном), экономический факультет Московского Коммерческого института (ныне Московский государственный институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова). В Коммерческом институте она была оставлена в 1914 г. для подготовки к профессорскому званию, а в следующем году стала его преподавателем. После революции Данилова сделала головокружительную карьеру в государственном аппарате, став в 1925 г. членом Верховного суда РСФСР. Ее первые работы вышли еще до революции, позднее она опубликовала ряд трудов по гражданскому и трудовому праву. В мае 1941 г. Данилова вышла на пенсию по инвалидности, а затем поступила в Историко-архивный институт на заочное отделение. Немолодая и интеллигентная студентка понравилась Андрееву и Черепнину. Лекции Черепнина по источниковедению были изданы в 1946 г. на стеклографе именно по ее конспекту.

В начале 1947 г. она становится преподавателем кафедры вспомогательных исторических дисциплин. На заявлении Даниловой с просьбой принять на работу А. И. Андреев написал: «Горячо поддерживаю просьбу Е. Н. Даниловой о зачислении ее преподавателем нашего института по каф[едре] вспомогат[ельных] историч[еских] дисц[иплин], поручения которой она выполняла уже в 1943—1946 гг. Научная работа Е. Н. Даниловой по истории СССР проходит в тесной связи с работой членов кафедры. Участие специалиста-юриста особенно желательное при изучении студентами наших старинных актов, и я имею намерение поручить Е. Н. Даниловой ведение семинарских занятий по дипломатике на 2-м курсе (во 2-м полугодии 1946/47 уч[ебного] г[ода]), с 2-мя группами. Е. Н. Данилова уже работает на заочном отдел[ении] института (ведет занятия по источниковедению на 1-м курсе и будет вести их на 3-м курсе)»¹.

Данилова не скрывала в свою очередь благодарности к Андрееву. Поздравляя заведующего кафедрой с днем рождения, она ставила

¹ Архив МГИАИ. Личный состав. Д. 176.

ему в заслугу дух «взаимного благожелательства», которым кафедра, по ее словам, «резко отличается» от прочих кафедр Историко-архивного института¹. В качестве темы для ее кандидатской диссертации на кафедре были утверждены «Очерки барьера и блоков против России в эпоху Петра Великого», позже суженные до «Подложного завещания Петра Великого» (часть работы была опубликована во 2-м томе «Трудов МГИАИ»).

Получив донос и изучив программу лекций А. И. Андреева по источниковедению, райком счел ее немарксистской, о чем было сообщено в институт. В июле 1947 г. Бюро Свердловского РК ВКП(б) обязало институт провести обсуждение реакционной сущности «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Наступление на А. И. Андреева возобновилось после студенческих каникул в сентябре 1947 г. На партийном собрании института, связанном с кампанией по обвинению профессоров Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина, создавших противораковый препарат «КР» (круцин) и опубликовавших сведения о нем за границей, в антипатриотичности, аполитичности, предательстве интересов страны и государства², В. В. Максаков выступил с резкой критикой Андреева и преподавателей, допускающих «низкопоклонство перед Западом» и подражающих практике дореволюционных археологических институтов и французской школы хартий. Среди близких к Андрееву молодых преподавателей, разделяющих его воззрения, был назван А. А. Зимин.

Партийное собрание не только осудило ошибки Андреева, но и приняло решение об отстранении его от преподавательской работы³. Через два дня после партийного собрания беспартийный Андреев, возмущенный своим заочным осуждением, подал заявление об уходе с постов, которые он занимал в институте — профессора, заведующего кафедрой, ученого секретаря Совета⁴.

Успех выставки, посвященной 800-летию Москвы, и вмешательство Министерства высшего образования, куда обратился Андреев, не позволили уволить его из института. Правда, ученый вынужден был давать объяснения дирекции и вышестоящим инстанциям. Отношение к нему осталось настороженным. Когда в начале 1948 г. студенты IV курса выдвинули Андреева, Черепнина и Новосельского в почетный президиум праздничного институтского собрания, им разъяснили, что из-за ошибок ученых этого делать не следует. Студенты, до которых доходили тревожные слухи об идеологических проработках любимых преподавателей, волновались: «Что будет с профессором Андреевым?».

¹ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 5. Д. 141. Л. 2—3.

² См. подробнее: Рапопорт Я. Дело «КР»; Бродский В., Калининкова В. Открытие состоялось // Наука и жизнь. 1988. № 1.

³ Архив МК и МГК КПСС. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 18.

⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24. ✓

В декабре 1947 г. была отложена аттестация Андреева в Отделении истории и философии АН СССР. Однако в том же месяце в Институте истории вполне благожелательно прошло обсуждение сборника «Петр Великий», редактором и одним из авторов которого был Андреев¹.

В 1948 г. обстановка в советской науке изменилась к худшему. Резкой критике подверглась «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна, ранее выдвигавшаяся на Сталинскую премию. Андреева в начале того же года также ждал тяжелый удар. 12 января 1948 г. заместитель директора Института истории АН СССР В. И. Шунков, выступая с отчетным докладом на Ученом совете, остановился на ошибках, допущенных, с его точки зрения, в сборнике статей «Петр Великий»: отсутствию в нем теоретической направленности в духе постановлений ЦК КПСС 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», неправильному показе взаимоотношений английской и русской культуры в статье Андреева, неверной оценке буржуазной литературы в работе С. А. Фейгиной. Вскоре в газете Института истории по инициативе В. И. Шункова появилась статья, направленная против Андреева. В ответ на это 23 января 1948 г. А. И. Андреев пишет, а 18 февраля подает заявление об освобождении его от руководства группой по изучению эпохи Петра Великого, редактирования ряда научных трудов и от обязанностей ученого секретаря Археографической комиссии².

В апрельском номере «Вопросов истории» за 1948 г. появилась рецензия Г. Н. Анпилогова на сборник «Петр Великий». По мнению рецензента, Петр I показан Андреевым «как восторженный ученик и подражатель англичан, слепо копирующий западноевропейские, в частности «английские образцы». Несколько ранее на заседании сектора Истории СССР до XIX в. не был утвержден редактировавшийся Андреевым второй сборник «Петр Великий»³.

«В прошлом (1947 г.), — записывает на повестке заседания сектора А. И. Андреев, — в этот день происходило чествование меня в связи с 60-летием, а нынче критика собранного мной и выпущенного по моей инициативе статей 2-го Петр [овского] сбор [ника]»⁴.

На положение А. И. Андреева в Историко-архивном институте все эти события оказали влияние не сразу. В апреле 1948 г. в партбюро института в очередной раз обсуждались его взгляды. Новый секретарь партбюро Б. Г. Литвак отметил, что А. И. Андреев встал на путь преодоления своих ошибок, и в качестве «меры исправления» предложил ученому, как раз в это время под своей редакцией выпустившему сборник «Русские открытия в Тихом океане и Северной Аме-

¹ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24.

² Там же. Л. 56 об.

³ Архив АН СССР. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 99.

⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 2. Л. 235.

рике в XVIII в.», прочитать цикл лекций по истории географических открытий¹.

В августе 1948 г. состоялась известная сессия ВАСХНИЛ, имевшая катастрофические последствия для биологической науки. Итоги сессии широко обсуждались в академических институтах и вузах страны. Во всех областях знания выискивались «реакционеры», «сторонники буржуазной идеологии». Среди них нашлись и историки, и в их числе Александр Игнатьевич Андреев. Он обвинялся в том, что не выполнил своего «патриотического долга» и не разоблачил «антисоветских тенденций» буржуазных исторических трудов. Особые нападки вызвала его статья «Петр I в Англии в 1698 г.» в сборнике «Петр Великий».

8 сентября в «Литературной газете» появилась статья «Примиренчество и самоуспокоенность» о работе Института истории. Ее автор, некий А. Кротов, характеризовал труды института как вредные, порочные и антимарксистские. Среди многих авторов, работы которых вызвали раздражение А. Кротова, упоминались Андреев, Фейгина, Веселовский и другие историки.

Проработка итогов сессии началась в Историко-архивном институте и в Институте истории практически одновременно. Стремясь предотвратить разгром кафедры, А. И. Андреев провел на ней 24 сентября 1948 г. обсуждение решений сессии ВАСХНИЛ. Он указал на необходимость дать оценку трудам Лаппо-Данилевского, отметив некоторые их недостатки: «отсутствие социально-экономических основ», «идеалистическая терминология, академизм, объективизм» и т. д. В других выступлениях на кафедре подчеркивалась необходимость обращать больше внимания на вопросы идеологической борьбы, проблемы теории и др.² Однако смягчить готовящийся удар Андрееву не удалось. Еще накануне заседания заместитель директора института, бывший следователь Особого отдела НКВД, а затем сотрудник СМЕРШ А. Д. Никонов³, ознакомившись с текстом доклада Андреева, нашел, что он «носит слишком общий характер», и потребовал обсудить вопрос о пересмотре всей работы кафедры.

12—14 октября на закрытом партийном собрании Историко-архивного института, на котором подверглась резкой критике деятельность Андреева в институте, было поручено партбюро и дирекции организовать широкое обсуждение ошибок заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, остававшегося «верным своим положениям, традициям, концепциям»⁴.

26 октября 1948 г. итоги сессии ВАСХНИЛ обсуждались на Ученом совете МГИАИ. Основной доклад сделал директор института

¹ Архив МК и МГК КПСС. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 25. Л. 28 об.

² ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 447. Л. 2—8.

³ Архив МГИАИ. Личный состав. Д. 476.

⁴ Архив МК и МГК КПСС. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 23. Л. 139, 86.

Н. А. Елистратов¹. До своего прихода в МГИАИ в 1947 г. он работал ответственным инспектором РОНО, директором Московского энергетического института, заместителем главного контролера по высшей школе Академии наук Министерства госконтроля СССР. В МГИАИ преподавал основы марксизма-ленинизма². Бывший контролер высшей школы и академической науки чутко отреагировал на разгром советской генетики и сигнал к развертыванию новой идеологической кампании. Отметив в докладе, что сессия ВАСХНИЛ «вооружила нашу науку теорией и практическим опытом борьбы с идеализмом во всех его проявлениях», Елистратов перешел к недостаткам в работе института, фактам «раболепия» и «низкопоклонства» перед буржуазной наукой. Подробнее всего он остановился на научной и учебно-методической продукции членов кафедры вспомогательных исторических дисциплин: «Особенно большую тревогу у нас вызывает кафедра ... возглавляемая профессором А. И. Андреевым. Он допустил грубые политические ошибки. Им были выпущены порочные книги, написаны статьи, в которых Андреев проводил чуждое нам идеалистическое мировоззрение, проявил низкопоклонство перед буржуазной наукой, в своей научной и преподавательской работе показал себя последователем реакционного буржуазного учения Лаппо-Данилевского»³.

Докладчик припомнил постановление кафедры 1946 г.: «Более яркого примера и образца вредного преклонения перед буржуазной наукой Запада трудно вообще придумать». Основываясь на появившихся в академической печати материалах, Елистратов подверг безжалостному разбору статью А. И. Андреева «Петр I в Англии в 1698 г.», которая «фальсифицирует историю нашей родины, пропитана низкопоклонством перед иностранщиной». Новое, по сравнению с прозвучавшей уже критикой, «свидетельство проявления низкопоклонства перед Западом» директор нашел в статье Андреева о С. М. Соловьеве⁴. И, наконец, он вскрыл генетическую связь трудов Андреева с творчеством его учителя, отметив, в частности, влияние на составленную Андреевым учебную программу «Методологии истории» Лаппо-Данилевского⁵.

«Серьезные ошибки» нашел Н. А. Елистратов и в книге ученика А. И. Андреева Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина «Русская палеография» (М., 1946): формальный характер расположения материала, отрыв истории письма от экономического, социального, политического и культурного развития России. Лекции Л. В. Черепнина по источниковедению XIX в. также вызвали неудовольствие докладчика:

¹ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 443. Л. 1-35.

² Архив МГИАИ. Личный состав. Д. 213.

³ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 443. Л. 5-9.

⁴ Андреев А. И. Работа С. М. Соловьева над «Историей России» // Труды МГИАИ. М., 1947. Т. 3. С. 4-16.

⁵ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 443. Л. 11-13.

«Под видом ярких лекций преподносится безыдейность»¹. Досталось Черепнину и за предисловие к замечательной книге С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.; Л., 1947).

Как раз в октябре 1948 г. появилась рецензия И. И. Смирнова, в которой не только давалась резкая оценка работы С. Б. Веселовского, но и признавалось совершенно неудовлетворительным предисловие к книге (весьма жесткое по сегодняшним меркам). Еще резче отзывалась об этом же предисловии А. М. Панкратова, утверждавшая, что оно как бы «амнистирует» «откровенно буржуазную» концепцию автора². Хотя предисловие не было подписано, для современников его авторство представляло «секрет Полишинеля»³, и Елистратов прямо заявил, что Л. В. Черепнин не дал работе С. Б. Веселовского «острой большевистской оценки». Причину «научного бесплодия» кафедры вспомогательных исторических дисциплин он объяснял «слабым овладением марксизмом-ленинизмом»⁴.

Обстановку Ученого совета ярко характеризует выступление Е. Н. Даниловой, призавшей, в частности, сократить разделы курса источниковедения, посвященные сочинениям иностранцев: «чем больше их изучаешь, тем больше их ненавидишь». Даниловой и другими выступавшими были сделаны замечания в адрес М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина — авторов учебника, наводящего, по их словам, «на грустные размышления», а также по поводу лекций Л. В. Черепнина — за преимущественное внимание к «внешней критике» источников. Вместе с тем в дискуссии высказывались и здравые научные суждения о необходимости уделять больше внимания массовым источникам по экономической истории (выступление А. А. Новосельского) и др.

А. И. Андреев, по-видимому, прекрасно понимал, какие последствия для него могут иметь обвинения идеологического характера, однако держался он на Совете с поразительным достоинством. Признав, что у него и его коллег по кафедре действительно имеется «непреодоленное преклонение перед буржуазной наукой», старый ученый объяснял его тем, что вспомогательные исторические дисциплины зародились на Западе. Что касается влияния на него взглядов Лаппо-Данилевского, то он заявил, что ошибки свои постарается исправить, но от «частной приверженности» к Лаппо-Данилевскому ему отказаться трудно — «все-таки он был моим учителем»⁵.

¹ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р.—535. Оп. 1. Д. 443. Л. 29.

² Смирнов И. И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 112—124; Панкратова А. М. «Краткий курс истории ВКП(б)» и задачи советской исторической науки // Вестник Академии наук СССР. 1948. № 10. С. 31.

³ В списке трудов Л. В. Черепнина указано, что предисловие к книге С. Б. Веселовского написано Черепниным «совместно с другими» (Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Вступ. ст. В. Д. Назарова; Библ. сост. И. Г. Бебих, Р. И. Горячева. М., 1983. С. 53).

⁴ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р.—535. Оп. 1. Д. 443. Л. 32.

⁵ Там же. Л. 55.

Столь сдержанная самокритика не удовлетворила многих присутствующих. Так, А. Д. Никонов потребовал от А. И. Андреева не только признать «ошибки», но и вскрыть их корни, — иначе «мы... неизбежно окажемся по ту сторону баррикад со всеми вытекающими отсюда последствиями», а Н. Н. Яковлев заявил, что следует «совсем не пускать» идеи Лаппо-Данилевского в институт, вместо того, чтобы «затемнять их сущность» разговорами об «объективизме», и заодно «выступить с очень серьезной критикой» С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, на которых студенты «чуть ли не молятся»¹. Трудно упрекать Черепнина, имевшего опыт северных каменоломен, в том, что в своем выступлении на Ученом совете он не проявил твердости Андреева (к этому времени, по его словам, он уже закончил статью о Лаппо-Данилевском, опубликованную вскоре в 1949 г.)².

В последующие месяцы на кафедре спешно разрабатывались новые программы по вспомогательным историческим дисциплинам, источниковедению, древнерусскому языку. В связи с требованиями очистить русский язык от иностранных слов при обсуждении программы по палеографии развернулась дискуссия о том, можно ли именовать палеографию «дисциплиной» или ее следует называть отечественным термином «наука». В проекте новой программы по источниковедению была сделана попытка расположить материал не по видовому признаку, а по содержанию, исходя из «марксистско-ленинского учения о движущих силах истории»: источники по социально-экономической истории, источники по истории внутренней политики и внешних сношений, источники по истории общественной мысли³ (позднее весьма близкую классификацию источников по происхождению предложили С. М. Каштанов и А. А. Курносков)⁴. Подобное построение курса источниковедения оказалось не удачным, и в 1951 г. после обсуждения программы на Ученом совете было решено вернуться к видовой классификации источников⁵.

Предложения Даниловой относительно программы по источниковедению сводились к необходимости исходить при отборе источников «из воспитательно-политического значения исторического источниковедения», освещения в курсе «рабочества перед иностранщиной правящей верхушки и части интеллигенции, доходившего до предательства и измены Родине»⁶.

Т. С. Майкова, в то время лаборант, вспоминает, что после октябрьского Совета А. И. Андреев особенно много времени проводил

¹ Там же. Л. 62—72, 126—133.

² Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30—51.

³ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 477.

⁴ Каштанов С. М., Курносков А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 173—186.

⁵ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 577.

⁶ ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

на кафедре, куда редко кто заходил. Некоторые преподаватели перестали здороваться с опальным ученым и не отвечали на его приветствия. Уже объявленная на 11 ноября 1948 г. лекция Андреева в Политехническом музее «Русские географические открытия в Тихом океане и Северной Америке» была отменена. Т. С. Майковой запомнилось, что в этот трудный для А. И. Андреева период его посетил в институте известный историк русского летописания Арсений Николаевич Насонов.

Между тем в стране разворачивалась кампания искоренения «космополитизма». На проходившем 24—28 марта 1949 г. погромном Ученом совете Института истории «подчеркивалось, что борьба с буржуазным космополитизмом имеет огромное значение в деле воспитания советского народа в духе животворного советского патриотизма». Обвинения в космополитизме, антипатриотизме, низкопоклонстве перед Западом были предъявлены Н. Л. Рубинштейну, И. И. Минцу, А. И. Неусыхину и ряду других ученых, среди которых вновь фигурировал Андреев¹. Между тем было трудно найти историка, столь мало подходившего на роль антипатриота, как Андреев, опубликовавший после войны цикл работ по истории русских географических открытий.

18 апреля 1949 г. А. И. Андреев последний раз вел заседание кафедры вспомогательных исторических дисциплин. 26 апреля 1949 г. Черепнин выступил на Ученом совете МГИАИ с докладом «А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» с тем, чтобы «окончательно покончить с вредной методологией», которой руководствовалась кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Доклад в целом был встречен положительно, хотя высказывались мнения, что он недостаточно политически заострен, что докладчик все еще «примиренчески» относится к взглядам Лаппо-Данилевского, которого Макасов называл «неокантианцем», «буржуазным космополитом» и «врагом советской власти». «В публикации документов далекой старины», — по словам одного из ораторов, — Лаппо-Данилевский «искал возможность уйти от всех обострившихся противоречий капитализма, вступившего в стадию империализма». Вновь обвинения в «проповеди» идей Лаппо-Данилевского были предъявлены Андрееву, а также С. Н. Валку, последнему — в пропаганде принципов своего учителя в археографии². Андреев на Ученом совете не присутствовал. Как раз в этот день он был уволен из института и выведен из состава редколлегии «Трудов МГИАИ». Вскоре ученый возвратился в Ленинград, где президент АН СССР С. И. Вавилов помог ему получить работу.

¹ Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24—28 марта 1949 г. // Вопросы истории. 1949. № 3. С. 153. Стенограммы заседания см.: Архив АН СССР. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207—209.

² ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 456.

В 1949 г. завершил свою преподавательскую деятельность в Историко-архивном институте и Л. В. Черепнин. Но перед этим ему пришлось пройти еще одно «чистилище» — общее собрание профессоров, преподавателей, аспирантов, студентов, рабочих и служащих института, посвященное обсуждению вопроса о космополитизме и состоявшееся 27 апреля 1949 г. Ход этого собрания напоминал проходившие с 1947 г. по всей стране открытые публичные осуждения — «суды чести» — за поступки, которые, по словам академика С. Д. Сказкина, «как будто бы ничего плохого в себе не заключали, но ... при глубоком рассмотрении оказались настоящим преступлением и перед Родиной, и перед нашим народом»¹. «Суды чести» как общественный институт образовывались по постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 г. в центральных ведомствах. Они должны были содействовать «делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма» и успешно помогали «в деле выкорчевывания остатков позорного рабского духа преклонения перед реакционной, прогнившей культурой буржуазного Запада»².

«Суды чести» начались с уже упоминавшегося дела Роскина и Ключевой (по Министерству здравоохранения), ему придавалось столь большое значение, что для заслушивания было выбрано помещение одного из самых вместительных театров Москвы. «Суды чести» удостоился и бывший начальник Главного управления Гидрометеослужбы при СМ СССР, член-корреспондент АН СССР Е. К. Федоров. Процессы прошли также в Арктическом научно-исследовательском институте, Главсевморпути, в Прокуратуре СССР, Радиокomiteе и других учреждениях. В октябре 1947 г. «суд чести» был основан в АН СССР, о чем сообщалось президиумом Академии «друзьям советских ученых» И. В. Сталину и В. М. Молотову³.

На сценах московских театров тогда же под названием «Суд чести» шла пьеса А. И. Штейна, впоследствии экранизированная и переведенная на иностранные языки, которая зеркально отразила ход этих процессов в образцово-показательном варианте прессы тех лет.

Создание «судов чести» как «новой формы воспитания советской интеллигенции» получило одобрение и в Историко-архивном институте, но проведение собрания, которое бы разъяснило «ученым, недопонимающим своего положения»⁴, необходимость выполнения ими патриотического долга, откладывалось. И все же 27 апреля 1949 г. профессора института Л. В. Черепнин, В. К. Яцунский и другие были вынуждены перед студенческой аудиторией «вскрывать основные

¹ Архив АН СССР. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 3.

² Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 169. Л. 2; Ф. 2. Оп. 1. 1947 г. Д. 303. Л. 5.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 303. Л. 13—14.

⁴ Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 20.

корни своих ошибок», оправдываясь за знание иностранных языков, позволявшее «использовать возможно шире мировую буржуазную науку», за увлечение психологией в источниковедческом анализе, в то время как «классовые корни иногда ускользали», и вообще за «зараженность космополитическими тенденциями и теориями». Собравшиеся дружно осудили твердую позицию отсутствовавшего на заседании А. И. Андреева, на которого, по мнению М. Н. Черноморского, «было трудно оказать давление, кроме принятия революционных (т. е. крайних. — Л. П. и А. С.) мер»¹. И такие меры были приняты как к руководителю кафедры, так и в отношении состава читаемых на кафедре предметов и методики их преподавания.

«Совершенствование» учебного процесса на кафедре в начале 1950-х гг.

2 июня 1949 г. Андреев передал дела в кабинет кафедры², новым заведующим которой стал В. И. Самойлов — выпускник института, ученик Максакова, политработник, майор, преподаватель Военного педагогического института Советской Армии. Кандидатскую диссертацию по истории архивного дела он защитил незадолго до назначения заведующим³. Выступление его по докладу Черепнина в первый же день пребывания не только в должности заведующего кафедрой, но и в штате института, не оставило никаких сомнений в его «идейной твердости». Заявление, что вся кафедра извлечет уроки из обсуждения доклада, показало, что главную свою задачу Самойлов видел в ликвидации вредных последствий руководства кафедрой профессором А. И. Андреевым⁴.

Дискуссии 1948—1949 гг. оказали существенное влияние на структуру и содержание учебников, учебных программ и лекционных курсов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Первой их жертвой стала дипломатика. В июне 1949 г. на кафедре обсуждалась программа по дипломатике⁵. В основу классификации актов было положено их содержание. В своем докладе А. А. Зимин обосновал необходимость сохранения курса дипломатики. Однако под давлением Самойлова было принято решение ликвидировать обязательный лекционный курс, оставив практические занятия и факультатив (позднее они также были отменены). Кроме того, Самойлов предложил включить в программу письмо И. В. Сталина 1931 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция», «имеющее

¹ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 491. Л. 1—42.

² ЛО Архива АН СССР. Ф. 934. Оп. 3. Д. 69. Л. 49.

³ Архив МГИАН. Личный состав. Д. 578.

⁴ ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р—535. Оп. 1. Д. 456. Л. 44—46; Д. 478. Л. 2.

⁵ Последнее издание программы см.: Программа ... «Вспомогательные исторические дисциплины»: Для государственных университетов. Специальность 2008—История. М., 1987. С. 26—30.